

политика

И.А.Николаев

К ВОПРОСУ О ЛИНИЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: STISIS И BELLUM CIVILE¹

¹ Статья
подготовлена
при поддержке
Программы
развития МГИМО
«Приоритет-
2030».

Иван Андреевич Николаев — магистр международных отношений, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ. Для связи с автором: johannes.nikolaev@gmail.com.

Аннотация. На фоне устойчивого роста интереса политических философов к гражданским конфликтам в целом, понятие гражданской войны остается относительно малоизученным. Многослойная генеалогия данного концепта включает в себя элементы существенно различающихся подходов к его определению. Уже в античной философии прослеживаются две несопадающие линии интерпретации феномена гражданских войн: греческий *stasis* и римский *bellum civile*. В последние годы понятие *stasis* возвращается в научный оборот благодаря обращению к нему Николь Лоро, Джоржо Агамбена и ряда других авторов. В то же время при осмыслении гражданских войн по-прежнему доминирует подход, опирающийся преимущественно на их римскую трактовку, исходящую из монистической социально-онтологической модели и имеющую серьезные ограничения применительно к современным условиям.

В статье анализируются основные особенности восприятия феномена гражданских войн в древнегреческой и римской философии. С опорой на тексты Платона и Аристотеля, в наиболее систематическом виде сформулировавших теорию *stasis*, показывается, что признание возможности преодоления лишь наиболее острых внешних проявлений *stasis*, но не принципиального его искоренения неизбежно накладывает отпечаток на оценку значимости плюрализма в жизни политической общности, интерпретацию действий побежденной стороны и «политику памяти». В связи с этим рассматривается, каким образом представление о гражданском конфликте как о сопряженном жизни полиса явлении и в известном смысле неизбежном эле может вновь оказаться актуальным в контексте философских и политических дискуссий XXI в.

Ключевые слова: гражданская война, внутренний конфликт, *stasis*, агонизм, Платон, Аристотель, Джоржо Агамбен

Общепризнано, что гражданские войны относятся к числу наиболее «темных» социальных явлений. Само это понятие, представляющее собой кальку с латинского *bellum civile* и основанное на оксюмороне (как перенос войны — внешнего конфликта — во внутреннюю жизнь политики), порождает немало трудностей с определением. При этом со второй половины XX в. именно гражданские войны стали доминирующим типом конфликтов в мире, что привело к взрывному росту числа посвященных им работ, накоплению значительного объема эмпирического материала, созданию специализированных научных баз, журналов и исследовательских центров. Несмотря на это, в рамках политической теории и философии тема гражданских войн по сей день носит по большей части маргинальный характер, и слова Мишеля Фуко, произнесенные им в 1973 г., не утратили своей актуальности: «Гражданская война остается слабо разработанным с философской, политической и исторической точек зрения понятием»². О том, что за прошедшие десятилетия положение дел в этой сфере принципиально не изменилось, свидетельствует заключение Джоржо Агамбена: «То, что сегодня совершенно недостает учения о гражданской войне, является общепризнанным фактом, однако это лакуна, судя по всему, не сильно беспокоит юристов и политологов»³.

² Foucault 2015: 13.

³ Агамбен 2021: 6.

Столь парадоксальную ситуацию можно интерпретировать по-разному. Один вариант объяснения был предложен Агамбеном со ссылкой на тезис Ханны Арендт о «безусловной гетерогенности понятия революции и гражданской войны»⁴: фокус внимания политических философов Нового времени оказался сконцентрирован на революции, тогда как во многом пересекающаяся с ней тематика гражданских войн получила статус некоего неприглядного *enfant terrible*⁵. Другой вариант связан с определенными чертами гражданских конфликтов, наличие которых практически неминуемо превращает их в объект политических манипуляций и своего рода «серую зону» для исследователя. В силу этого, по замечанию британского историка Дэвида Армитиджа, любое рассуждение о гражданской войне становится в некотором смысле ее формой⁶. Подобный подход в чем-то перекликается с традицией переноса метафоры гражданской войны на дискурсивные практики и сопряженные с ними элементы политического противостояния — от «герменевтических гражданских войн» Одо Маркварда⁷ до «культурных войн»⁸. Однако, как представляется, для полноценного понимания причин «вытеснения» гражданских войн из европейской мысли Нового времени необходимо учитывать не только специфику гражданских конфликтов *per se*, но и сложную, многослойную генеалогию соответствующего понятия в политической философии.

⁴ Арендт 2011: 5—17

⁵ Агамбен 2021: 8.

⁶ Armitage 2017: 233.

⁷ Marquard 1989: 126.

⁸ Hunter 1991: 64.

В какой-то степени такая многослойность неизбежна для термина, который, как уже упоминалось, без изменений перешел из латыни в большинство европейских языков и стабильно применяется на протяжении более двух тысяч лет. Современные представления о гражданских войнах, как правило, включают в себя исходные античные (пре-

имущественно римские) элементы, на которые накладываются следы переосмысления гражданских конфликтов в Новое время (в частности, в эпоху Французской революции). Кроме того, любое рассуждение о гражданских войнах обычно включает в себя попытки описать данное явление в юридических терминах и, в частности, в категориях международного права, относящихся преимущественно к XIX—XX вв.

Сочетание столь разнородных и в чем-то противоречащих друг другу элементов отчасти объясняет, почему теоретическое осмысление гражданских войн остается настолько проблематичным. Сложности начинаются уже на этапе уточнения того, что следует понимать под «гражданской» войной. Существующие дефиниции оказываются либо туманными (вроде расплывчатой характеристики гражданской войны как «насиленного конфликта внутри страны»), либо категориально бедными и редукционистски сводящими явление к набору усредненных критериев (например, «преимущественно внутренний конфликт, приводящий более чем к 1000 жертв боевых действий за год»). Нельзя не отметить, что подобные определения не охватывают значительную часть конфликтов, заранее не отнесенных к условному «канону» гражданских войн (как правило, составляемому по критерию масштаба того или иного внутреннего конфликта или его кровопролитности).

На фоне такого рода концептуальных сложностей весьма продуктивным, на наш взгляд, могло бы стать обращение к генеалогии понятия гражданской войны, начиная с Античности.

Помимо широко известной «римской» линии (соотносимой с идеей о *bellum civile*), античная философия гражданской войны включает в себя и греческую, описываемую понятием *στάσις* (*stasis*). По мнению целого ряда исследователей, понятие *stasis* представляет большой интерес для современной политической науки и обладает значительным потенциалом для построения теории войны вообще — в первую очередь в свете тенденции к стиранию границ между внешними и внутренними конфликтами⁹. В качестве аргументов в пользу продуктивности данного концепта при анализе реалий новейшей истории приводятся также ссылки на неприменимость к современным войнам старых критериев определения войны, слияние собственно армейских и полицейских аспектов военных операций, возрастание роли способа легитимации боевых действий и их глобального эффекта¹⁰. Как убедительно показано в книге Николь Лоро «Разделенный город: Забвение в памяти Афин»¹¹, интерпретация гражданского противостояния, «распри» в древнегреческой философии и политической мысли не только демонстрирует ряд схожих черт, но и парадоксальным образом делает *stasis* основанием жизни полиса, самым страшным и табуированным явлением социальной жизни — и одновременно событием, определяющим совместное существование граждан (и постоянно присутствующим в коллективной памяти). Опираясь на тезисы Лоро, в своих рассуждениях о *stasis* Агамбен говорит о гражданской войне как о «пороге фундаментальной политизации Запада»¹². Для Агамбена кардинально важна иная, чем для

⁹ Третьяк 2023: 7—9.

¹⁰ Там же: 18—19.

¹¹ Лоро 2021.

¹² Агамбен 2021: 5.

Лоро, локализация stasis: в его схеме тот рождается из конфликта в рамках семьи и становится «зоной неразличимости между неполитическим пространством семьи и политическим пространством города», «порогом политизации или деполитизации»¹³. Схожим образом рассуждает о stasis Моше Берент¹⁴, увязывающий с ним происхождение самого понятия политического в греческой мысли¹⁵.

Однако здесь сразу же возникает трудность. Как упоминалось выше, в рассуждениях о гражданских войнах до сих пор доминирует «римский» подход, тогда как греческий пласт философского осмысления гражданских конфликтов или описывается как нечто обусловленное специфическим контекстом существования классического полиса (и потому нерелевантное в позднейших ситуациях), или помещается в скобки в качестве предыстории концепта гражданской войны, рожденного именно в Риме. В частности, в своей книге «Гражданская война: История в идеях» Армитидж прямо называет гражданские войны «изобретением Рима»¹⁶. С его точки зрения, в силу ряда причин stasis есть нечто принципиально «иное». Аргументы сводятся к следующему: во-первых, греческое понимание stasis не включало войну как таковую в римском или современном смысле, а могло рассматриваться как состояние духа или расположение, способное привести к внешнему столкновению; во-вторых, в греческом контексте внутренние конфликты имели несомненно меньший по сравнению с римским масштаб, редко выходя за пределы локального уровня; в-третьих, stasis не предполагал наложения друг на друга категорий hostis (враг) и civis (гражданин), характерного для римских и последующих рассуждений о гражданских войнах (принимающих в качестве самоочевидной посылки противостояние граждан в рамках единого государства). Эти аргументы подкрепляются ссылками на римские источники I в. до н.э., в частности на Цицерона, который действительно утверждает, что римские гражданские войны не могут быть описаны в греческих категориях, будучи чем-то принципиально новым.

В рецензиях на книгу Армитиджа¹⁷ уже отмечалось, что за такого рода аргументацией в пользу неправомочности рассмотрения греческого концепта stasis в качестве элемента генеалогии понятия гражданской войны кроются, с одной стороны, изъяны в привлеченной базе источников¹⁸, а с другой — неоправданное уравнивание римской практики с современной. Добавим, что подобное уравнивание подспудно отождествляет одну из двух античных политических онтологий — условную римскую с ее акцентом на единстве в противовес плюралистической греческой — с современной (в значении «современной западной»), абсолютизируя ее (что тоже кажется весьма спорным). Если же от него отказаться, то, по сути, единственным аргументом против учета представлений о stasis как модели гражданской войны остается больший масштаб bellum civile, что, однако, не обязательно свидетельствует о большей актуальности римской концепции в нынешних условиях (сошлемся для наглядности на феномен неконвенциональных войн малой

¹³ Агамбен 2021: 24.

¹⁴ Berent 1998.

¹⁵ Надо, впрочем, отметить, что, по мнению Берента, греческое понятие политического принципиально несовместимо с современным концептуальным аппаратом в силу негосударственного характера классического полиса.

¹⁶ Armitage 2017: 31.

¹⁷ См., напр. Lange 2017.

¹⁸ При том что различия между греческой и римской концепциями бесспорны, достаточно очевидно, что римские авторы, в том числе не упоминаемые Армитиджем, например Кассий Дион (Кассий Дион 2011, 2014), опирались на греческих предшественников и включали в свои размышления о гражданских войнах греческие элементы, пусть и интерпретируя их в ином ключе.

¹⁹ Кревельд 2015.

²⁰ Там же: 140.

интенсивности / ограниченного масштаба, которые по данному параметру однозначно стоят ближе как раз к stasis¹⁹). В связи с этим даже высказывалась мысль о необходимости выработки более полного «греко-римского» подхода к понятию гражданских войн²⁰, который бы учитывал специфику обеих интерпретационных линий, присутствующих в античной философии.

²¹ Wenman 2013: 28—59.

²² Vardoulakis 2018: 95—123.

Решение подобной исследовательской задачи — дело будущего, и в настоящей статье мы ограничимся рассмотрением особенностей концепта stasis как плодотворного пролегомена к современной теории гражданской войны. Из сказанного выше очевидно, что его содержание имеет целый ряд параллелей с концептуальным аппаратом современных теоретиков политического агонизма, в частности Шанталь Муфф, Джеймса Тулли, Вильяма Коннолли и Бонни Хониг. Но хотя их политические проекты по ряду параметров опираются на такие топосы греческой мысли, как плюрализм, трагизм и признание ценности конфликта-агона²¹, само понятие stasis в них практически не включается. Аналогичным образом в работах греко-австралийского философа Димитриса Вардулакиса, уделяющего много внимания концепту stasis, последний интерпретируется как «агонистический монизм», определяющий типы отношений между демократией и суверенитетом и формирующий всю политическую практику²² (тем самым он фактически сливается с понятием агона). Сопряжение идей теоретиков агонистической демократии и понятия stasis тоже видится многообещающим направлением будущих работ. В качестве шага к подобному синтезу прежде всего нужно зафиксировать, какое содержание вкладывалось греческой философией в понятие гражданского конфликта.

Само слово stasis происходит от глагола ἵστημι — «стоять». Соответственно, stasis — это буквально «стояние», которое может трактоваться как «противостояние» фракций в разделенном полисе, в наиболее острых ситуациях принимающее форму вооруженных столкновений и гражданской войны. Важно подчеркнуть, что для греческой мысли stasis — не нечто иноприродное по отношению к полису. В отличие от римлян, греки четко разделяют πόλεμος (polemos), то есть войну как «внешнее» явление, и stasis, гражданскую войну — хотя и негативно оцениваемый, но неотъемлемый элемент жизни полиса.

Для греческой философии stasis не просто имманентно присутствует в политической жизни полиса, но и в определенном смысле выступает ее центральным элементом, вопреки всем связанным с ним многочисленным табу и запретительным практикам. Весьма показателен в этом плане один из самых известных законов Солона. В «Афинской политике» Аристотель так комментирует его принятие: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по безопасности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: „Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других (στασιαζούσης τῆς πόλεως μὴ θῆται τὰ ὄπλα μηδὲ μεθ' ἑτέρων), тот предается бесчестию и лишается граж-

²³ Аристотель 1937: 17.

данских прав (ἄτιμον εἶναι καὶ τῆς πόλεως μὴ μετέχειν)²³. Таким образом, в рамках реформ Солона и в последующей традиции вплоть до Аристотеля stasis предстает необходимым моментом «пересборки» политической общности, участие в котором в определенных ситуациях вменяется в обязанность гражданам.

²⁴ Лоро 2021: 195—226.

Конечно, такое восприятие stasis не могло не сказаться и на греческой «политике памяти» о гражданских войнах, коренным образом отличающейся от римской. Греческий подход исключал аналогии римского damnatio memoriae членов проигравшей фракции. Проведенный Лоро анализ закона 403 г. об амнистии в Афинах после очередного витка stasis, положившего конец правлению 30 тиранов, четко показывает, что запрет налагался лишь на «припоминание прошлых обид», конкретно — на их использование в качестве поводов для судебных исков²⁴. Память же о самом stasis, трагическом событии и одновременно основе сложившегося политического режима, несмотря на целый ряд табу, периодически актуализировалась посредством определенных практик — в том числе путем принесения гражданами по филам и демам клятвы о соблюдении главного достижения преодоленного stasis: примирения. Естественно, сохранявшего действительность лишь до следующего случая, когда упомянутый закон Солона предписывал присоединение к той или иной фракции.

²⁵ Отсылки к проявлениям внутренней вражды в жизни полиса встречаются и в греческой поэзии, в частности у Гомера, Гесиода, Эсхила и Еврипида, однако в силу их эпизодичности они выведены за пределы нашего исследования.

В рамках греческой философской мысли наиболее систематический анализ феномена stasis присутствует у Платона и Аристотеля²⁵. В «Государстве» Платона stasis рассматривается в контексте видов государственного устройства. Ему отводится ключевая роль в изменении форм правления вообще: «Может быть... изменения в государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью? Если же в ней царит согласие, то хотя бы она была и очень мала, строй остается незабываемым»²⁶. Тем самым Платон намечает линию размышлений о связи stasis с трансформацией государственного устройства, metabole politeias (μεταβολή πολιτείας), впоследствии развитую Аристотелем. Несмотря на то что эти два понятия не идентичны (политическая практика знает достаточно много случаев stasis, не приводивших к metabole politeias, и государственных переворотов, не включавших в себя открытого гражданского противостояния), их увязка показательна в плане помещения stasis на границу законного и незаконного²⁷. Разумеется, статус stasis как средства смены политического режима не мог быть прямо прописан в конституции. Тем не менее именно stasis в широком смысле — не только как гражданский конфликт per se, но и как угроза его возникновения, состояние духа граждан, потенциально ведущее к раздору, — описывается в качестве уравновешивающего элемента жизни политии²⁸.

²⁶ Платон 2015: 272.

²⁷ Finley 1981: 82.

²⁸ Berent 1998: 343.

Как это общее положение применяется в платоновской схеме политических режимов? В VIII книге «Государства» при обсуждении форм политического устройства понятие stasis возникает как проявление конфликтов по поводу распределения ресурсов и политического влияния.

В частности, описание перехода от аристократии к тимократии начинается с предложения «обратиться к Музам», «чтобы они нам повели, как впервые вторгся раздор» (ὁπῶς δὴ πρῶτον στάσις ἔμπεσε)²⁹. Сам процесс возникновения такого изначального конфликта представлен как растянутая во времени и не обязательно предполагающая кровопролитие форма stasis: «Борясь и соперничая друг с другом, они [несовершенные потомки аристократов] пришли наконец к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и дома, распределив их между собою, а тех, кого они до той поры охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов, сделав из них сельских рабочих и слуг, сами же занялись военным делом и сторожевой службой»³⁰. Столкновение аристократических и «корыстных» принципов, формирующее вовлеченного в такую «мягкую» форму гражданского противостояния «тимократического человека», представлено с опорой на образы гесиодовских поколений как смешение железа, меди, золота и серебра: «Железный и медный влекли к наживе, приобретению земли и дома, а также золота и серебра, а золотой и серебряный рода, не бедные, но, наоборот, по своей природе богатые, вели души к добродетели и древнему устройению»³¹.

С большим насилием, по Платону, связаны эпизоды stasis, характеризующие политическую жизнь олигархии: «Подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно — государство бедняков, другое — богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга» (ἀεὶ ἐπιβουλεύοντα ἀλλήλοισι)³². При этом выдвижение внутренней вражды в центр полисной жизни перетягивает на нее ресурсы и неизбежно ослабляет внешнеполитические позиции полиса, в первую очередь в смысле желания и способности отстаивать свои интересы в формате «внешней» войны (πόλεμος): «Нехорошо еще и то, что они, пожалуй, не смогут вести какую бы то ни было войну, так как неизбежно получилось бы, что олигархи, дав оружие в руки толпы, боялись бы ее больше, чем неприятеля, либо, отказавшись от вооружения толпы, выказали бы себя подлинными олигархами даже в самом деле сражения. Вдобавок они не пожелали бы тратиться на войну, так как держатся за деньги»³³.

Рассуждая о гражданских конфликтах при демократическом устройстве, Платон формулирует тезис о соприродности stasis и демократии: «Подобно тому как для нарушения равновесия болезненно-го тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, — а иной раз неурядица в нем бывает и без внешних причин (ἐνίστε δὲ καὶ ἄνευ τῶν ἔξω στασιάζει αὐτὸ αὐτῷ), — так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само с собой (καὶ αὐτὴ αὐτῇ μάχεται) по малейшему поводу, причем некоторые его граждане опираются на помощь со стороны какого-либо олигархического государства, а другие — на помощь демократического; впрочем, иной раз междоусобица возникает и без постороннего вмешательства» (ἐνίστε δὲ καὶ ἄνευ τῶν

²⁹ Платон 2015: 272; Plato 1894: 341.

³⁰ Платон 2015: 274.

³¹ Там же.

³² Там же: 278—279; Plato 1894: 350.

³³ Платон 2015: 279.

³⁴ Платон 2015: 284; Plato 1894: 358.

ἔξω στασιάζει)³⁴. Постоянное и имманентное внутреннее разделение при демократии на фоне минимизации в ней иерархического элемента оканчивается, таким образом, наиболее значимой предпосылкой перехода к тирании.

Наконец, stasis, связанный с узурпацией власти одним лицом, в следующей фазе платоновского цикла оборачивается народным восстанием против тирана: «Разве не то же и с представителем народа? Имея в руках чрезвычайно послушную толпу, разве он воздержится от крови своих соплеменников? Напротив, как это обычно бывает, он станет привлекать их к суду по несправедливым обвинениям и осквернит себя, отнимая у человека жизнь: своими нечестивыми устами и языком он будет смаковать убийство родичей. Карая изгнанием и приговаривая к страшной казни, он между тем будет сулить отмену задолженности и передел земли. После всего этого разве не суждено такому человеку неизбежно одно из двух: либо погибнуть от руки своих врагов, либо же стать тираном и превратиться из человека в волка?.. Он — тот, кто подымает восстание против обладающих собственностью» (ὁ στασιάζων γίγνεται πρὸς τοὺς ἔχοντας τὰς οὐσίας)³⁵.

³⁵ Платон 2015: 295; Plato 1894: 375.

Все эти эмпирические наблюдения обобщаются через сравнение stasis с болезнью (причем заразной: не будучи остановлен, stasis может распространиться не только на непосредственных участников переворота, но и на все общество), которое приводится в рамках аналогии между общественным устройством и душой, развитой, в частности, в IV книге «Государства». Как известно, Платон вводит положение о трех началах души (разумном, вожделеющем и яростном), а затем распространяет его на полис, соотнося каждую часть души с соответствующей категорией населения. Возникающие в полисе междоусобные конфликты при этом сравниваются с болезнью, нарушающей соотношение данных начал и, следовательно, гармонию социального тела. В здоровом состоянии каждая категория выполняет назначенную ей функцию, тем самым обеспечивая баланс и единство (ὁμόνοια), подобные гармонии внутри упорядоченной души. Противоположная ситуация в свою очередь прямо аналогична болезни тела (νόσος).

Помимо «Государства», Платон обращается к понятию stasis в «Законах». В данном произведении он в большей степени озабочен классификацией факторов, которые могут привести к внутреннему противостоянию, и конкретными способами его предотвращения или смягчения, предлагая комплексную систему социальной организации в рамках гармоничного государства, защищенного от междоусобиц как наиболее опасного вида конфликта: «Есть два вида войны: первый вид, который мы все называем междоусобицей... самый тягостный (τὸ μὲν ὁ καλοῦμεν ἄλλαντες στάσιν, ὃς δὲ πάντων πολέμων χαλεπώτατος); второй же... это война в случае раздора с внешними иноплеменными врагами; этот вид гораздо безобиднее первого»³⁶.

³⁶ Платон 2014: 82; Plato 1961: 18.

При сопоставлении положений «Государства» и «Законов» относительно внутренних конфликтов обращает на себя внимание при-

сутствующий во втором произведении акцент на неизбежности и неустранимости *stasis*, который наряду с *polemos* поднимается на уровень онтологического принципа, определяющего бытие как индивида, так и любого человеческого коллектива: «Законодатель [Крита], по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну... Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами» (ὅτι πόλεμος ἀεὶ πᾶσιν διὰ βίου συνεχὴς ἐστὶ πρὸς ἀπάσας τὰς πόλεις)³⁷. Точно такой же вывод делается и применительно к внутренним конфликтам: «Последнее [*stasis*] случается время от времени в государствах, хотя всякий очень хотел бы, чтобы междоусобий вовсе не было в его государстве, или, раз уж они возникли, то чтобы они как можно скорее прекратились»³⁸. При этом именно эпизоды *stasis* в наибольшей степени способствуют проявлению совокупности добродетелей — в отличие от внешних войн и иных эпизодов политической жизни: «Во время междоусобий никак нельзя остаться верным и здравомыслящим, не обладая всей добродетелью в совокупности»³⁹.

³⁷ Платон 2014: 78; Plato 1961: 6.

³⁸ Платон 2014: 80.

³⁹ Там же: 83.

Какими в таком случае могли бы быть механизмы минимизации проявлений *stasis* в жизни полиса? Платон неоднократно возвращается к данному вопросу, увязывая его, в частности, с экономическим укладом: «...В государстве, не причастном величайшей болезни, более правильным названием которой было бы „междоусобие“ или „раздор“, не должно быть ни тяжкой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друга»⁴⁰. Следующий уровень защитных механизмов относится к политической сфере — и, однако же, вновь показывает принципиальную неустранимость *stasis* как выражения множественности в жизни полиса и учреждающей власти в противовес учрежденной: «...Причиной [*stasis*] служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический. Впрочем, ни то, ни другое, ни третье не есть даже государственный строй (πολιτεία), все это скорее может быть названо длительной междоусобицей (στασιωτεία), ибо ни одно из этих устройств не принимается добровольно, но держится постоянным насилием и произволом, подавляющим волю подданных»⁴¹.

⁴⁰ Там же: 190.

⁴¹ Там же: 269.

На фоне четко заявленной неизбежности гражданских конфликтов нейтрализация наиболее острых их проявлений в процессе утверждения единства представлена основной целью общественной жизни. Вместе с тем очевидно, что неустранимый онтологический статус *stasis* не означает признания его превосходства над мирной жизнью. В частности, по мысли Платона, «это все равно как если бы кто стал считать наилучшим такое состояние тела, когда оно страдает и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на состояние тела, когда оно в этом совсем не нуждается». Более того, «не может стать настоящим государственным человеком тот, кто, имея в виду благополучие всего государства и частных лиц, будет прежде всего и только обращать внимание на внешние войны. Не окажется он и хорошим за-

⁴² Платон 2014: 81.

конодателем, разве только станет устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий»⁴². В связи с этим участники мятежей (естественно, с проигравшей стороны) в обязательном порядке подвергаются самым суровым наказаниям: «После преступлений против богов идут преступления, касающиеся ниспровержения существующего государственного строя. Кто стремится сделать законы рабами людей и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом, А кто, хотя и не имеет ничего общего ни с кем из подобных людей, при отправлении главнейших государственных должностей не обратил внимания на такие явления или, хотя и обратил, из трусости не встал на защиту отечества, — такого гражданина следует числить на втором месте в смысле испорченности»⁴³.

⁴³ Там же: 291—292.

Рассмотрев ключевые составляющие платоновской интерпретации *stasis*, обратимся к особенностям подхода Аристотеля к этому явлению. В целом Стагирит более четко, чем Платон, определяет данное понятие и прямо соотносит его с колоссальным эмпирическим материалом (в «Политике» разбираются десятки эпизодов внутренних вооруженных конфликтов в различных полисах). *Stasis* преимущественно посвящена V книга «Политики», где он трактуется как совокупность насильственных действий, направленных на захват власти, изменение того или иного аспекта государственного устройства или его формы. Тем самым Аристотель вроде бы отходит от платоновского описания *stasis* как болезни общественного организма (соответствующие сопоставления *stasis-nosos* в его текстах встречаются значительно реже и в целом носят эпизодический характер). Это, однако, объясняется большей радикальностью его концепции: гражданская война понимается им не как заболевание, а как момент смерти полиса (пусть и повторяющийся), утраты им принципа собственного существования⁴⁴. В отличие от Платона, у Стагирита отсутствует привязка воспроизводящихся эпизодов *stasis* к несовершенным формам государственного устройства как отражению их порочности: *stasis*, безусловно, может приводить и к положительным изменениям в жизни государства. В то же время подлинно добродетельный гражданин не полагается на организацию восстания в качестве действительно применимого политического средства.

⁴⁴ Rogan 2013.

Аристотель подробно рассуждает о причинах *stasis* и сводит их к трем большим категориям: представлениям о равенстве или неравенстве; стремлению к получению прибыли и почестей; совокупности имеющих «накопительный эффект» факторов, нарушающих балансы в жизни полиса и создающих предпосылки для внутреннего противостояния. Выделение данных факторов в качестве причин *stasis* наглядно демонстрирует, что в фокусе внимания Аристотеля находятся в первую очередь идеационные аспекты генезиса гражданского противостояния. В то же время, в противовес концепции Платона, стремящегося подвести все виды внутренних конфликтов под единый «зонтичный» тер-

мин и единое объяснение (иррациональные устремления, приводящие к несправедливости), по-разному проявляющееся при разных формах государственного устройства, фиксируемые Аристотелем истоки *stasis* не видятся ему неизменными и жестко определенными. В каждом конкретном конфликте в рамках полиса мотивация участников может быть как справедливой, так и несправедливой. В этом смысле аристотелевская таксономия *stasis* более плюралистична и более открыта к новым интерпретациям и переносу в другие контексты, нежели унифицирующие и обобщающие построения Платона.

В силу данной особенности в последние десятилетия наследие Аристотеля оказалось более востребованным, будучи косвенно включено в одну из основных дискуссий о причинах возникновения гражданских конфликтов, описываемых как *greed versus grievance*⁴⁵. Тем самым аргументационная линия Аристотеля, акцентирующая элемент *grievance*, получила новое развитие, в первую очередь в работах Стивена Скалтети, где предпринята попытка построения современной версии аристотелианской конфликтологии⁴⁶. В литературе есть примеры использования терминологии, задействованной Аристотелем для анализа *stasis*, при обсуждении иных тем, помимо гражданских войн *per se*. Так, Дуглас Кейрнс⁴⁷ обращается к концептуальному аппарату V книги «Политики» при рассмотрении спора между Акселем Хоннетом и Ненси Фрейзер о соотношении фактора идентичности и экономической справедливости. В предлагаемом им прочтении линия рассуждений Аристотеля применяется для обоснования правоты Хоннета относительно преимущественного значения вопросов идентичности по сравнению с проблемами экономического равенства.

⁴⁵ Collier and Sambanis (eds) 2005.

⁴⁶ Skultety 2019.

⁴⁷ Cairns, Canevaro, and Mantzouranis 2022.

* * *

Как уже говорилось, словосочетание «гражданская война» в русском языке и аналогичные выражения в европейских языках являются калькой с латинского *bellum civile*. Латинский оригинал этого термина включает в себе своего рода оксюморон, во многом пропадающий при переводе: речь идет о войне в рамках *civitas* или же *inter cives*, между гражданами. Парадоксальность понятия станет очевиднее, если вспомнить восходящий к тому же корню термин «цивилизация». В силу определенной монистичности римского мышления войны как таковые в их изначальном значении могли вестись против четкой категории, а именно *hostes*, врагов, понимавшихся как враги Рима. Однако *bellum civile* переносит войну непосредственно в сердце римской цивилизации, в среду граждан. Этому переносу подвергается война в собственном римском понимании: отсюда классические и в чем-то парадигмальные для последующей западной истории картины гражданской войны как серии батальных сцен с двумя противостоящими армиями, одна из которых предстает армией злодеев, покушающихся, например, на республиканские ценности или несущих экзистенциальную угрозу суще-

ствованию империи. Таким образом, в римской концепции и наследующих ей европейских теоретических схемах гражданская война принципиально локализуется вне политической системы, те же случаи, когда *bellum civile* врывается в *civitas*, трактуются как патология; побежденная сторона подлежит стигматизации, а в отдельных ситуациях и *damnatio memoriae*. Преодоление гражданского конфликта приводит к восстановлению единства и единственности государства и, в более широком смысле, экумены.

Даже с учетом обусловленности специфическим историческим контекстом жизни греческих полисов концепция *stasis* в ее классической форме у Платона и Аристотеля (несмотря на их расхождения по ряду вопросов) представляется во многих отношениях более плодотворным пролегоменом к современной теории гражданской войны, чем ее римский аналог, продолжающий доминировать в стандартных построениях. Понимание *stasis* как более широкого концепта, нежели его крайнее внешнее проявление в виде вооруженного противостояния; включение в фокус рассмотрения его причин совокупности идеационных факторов и признание предпочтительности предотвращения ситуации гражданской войны на идейном уровне по сравнению с подавлением конфликта посредством грубой силы; имманентное присутствие элемента *stasis* в политической жизни; его плюралистический характер и предполагаемый им отказ от дуалистического противопоставления проигравших и победителей — все это создает оригинальную концептуальную рамку и перекликается с парафразом известного высказывания Карла фон Клаузевица, предложенным Фуко: «Политика есть продолжение гражданской войны» («*La politique est la continuation de la guerre civile*»)⁴⁸. Очевидно, что во все более поляризованном и плюралистическом мире отказ от римского взгляда на *bellum civile* в пользу *stasis* открывает перспективу уточнения наших представлений о гражданских войнах и построения их полноценной теории.

⁴⁸ Foucault 2015: 32.

Библиография

- Агамбен Дж. (2021) *Stasis: Гражданская война как политическая парадигма*. СПб.: Владимир Даль.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа.
- Аристотель. (1937) *Афинская полития*. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Кассий Дион Коккеян. (2011) *Римская история. Кн. LXIV—LXXX*. СПб.: Нестор-История.
- Кассий Дион Коккеян. (2014) *Римская история. Кн. LI—LXIII*. СПб.: Нестор-История.
- Кревельд М. ван. (2015) *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН; Социум.
- Лоро Н. (2021) *Разделенный город: Забвение в памяти Афин*. М.: Новое литературное обозрение.
- Платон. (2014) *Законы. Послезаконие. Письма*. СПб.: Наука.

- Платон. (2015) *Государство*. М.: Академический проект.
- Третьяк А.Р. (2023) «Stasis и политическая философия современной войны» // *Полития*, № 3 (110): 6—22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3\(110\)-Pages-001-198-6-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3(110)-Pages-001-198-6-22.pdf) (проверено 11.03.2024).
- Armitage D. (2017) *Civil War: A History in Ideas*. Yale: Yale University Press.
- Berent M. (1998) «Stasis, or the Greek Invention of Politics» // *History of Political Thought*, vol. 19, no. 3: 331—362.
- Cairns D., M.Canevaro, and K.Mantzouranis. (2022) «Recognition and Redistribution in Aristotle's Account of Stasis» // *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*, vol. 39, no. 1: 1—34.
- Collier P. and N.Sambanis, eds. (2005) *Understanding Civil War: Evidence and Analysis*. Vol. 1—2. Washington: The World Bank.
- Finley M.I. (1981) *Economy and Society in Ancient Greece*. London: Chatto & Windus.
- Foucault M. (2015) *The Punitive Society: Lectures at the Collège de France 1972—1973*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Hunter J.D. (1991) *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: BasicBooks.
- Lange C.H. (2017) «Stasis and Bellum Civile: A Difference in Scale?» // *Critical Analysis of Law: An International & Interdisciplinary Law Review*, vol. 4, no. 2: 129—140.
- Marquard O. (1989) *Farewell to Matters of Principle: Philosophical Studies*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Plato. (1894) *Plato's Republic: The Greek Text*. Oxford: Clarendon Press.
- Plato. (1961) *Plato with an English Translation. Vol. IX: Laws*. Cambridge (MA): Harvard University Press; London: William Heinemann.
- Rogan E. (2013) «Crise politique (stásis) et métamorphoses de la cité chez Aristote» / «Political Crisis (stásis) and Metamorphosis of the City in Aristotle's Philosophy» // *Giornale di Storia Costituzionale / Journal of Constitutional History*, vol. 26, no. 2: 15—31.
- Skultety S.C. (2019) *Conflict in Aristotle's Political Philosophy*. Albany: SUNY Press.
- Vardoulakis D. (2018) *Stasis before the State: Nine Theses on Agonistic Democracy*. New York: Fordham University Press.
- Wenman M. (2013) *Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalization*. New York: Cambridge University Press.

πολιτικά

⁴⁹ The article was prepared with the support from the MGIMO Development Program "Priority-2030".

Ivan A. Nikolaev — M.A. in International Relations; Ph.D. Student at the Department of World Political Processes, MGIMO University. Email: johannes.nikolaev@gmail.com.

I.A.Nikolaev
**ON THE INTERPRETATIONS
 OF THE PHENOMENON
 OF CIVIL WAR
 IN ANCIENT PHILOSOPHY:
 STASIS AND BELLUM CIVILE⁴⁹**

Abstract. The concept of civil war remains relatively underdeveloped given a steadily increasing interest of political philosophers in the study of civil conflicts in general. The multi-layered genealogy of this notion includes elements of significantly different approaches to its definition. The two divergent lines of interpretation of the phenomenon of civil wars can be traced back to the ancient philosophy: the Greek stasis and the Roman bellum civile. In recent years, the concept of stasis is making a comeback to the academic circles due to its use in the works of Nicole Loraux, Giorgio Agamben and a number of other authors. At the same time, the dominant approach to analyzing civil wars is based primarily on their perception in line with the Roman concept, which presupposes a monistic social ontology model and has significant limitations when applied to modern conditions.

In the article, the author analyzes the main features of the perception of the phenomenon of civil wars in the ancient Greek and Roman philosophy. Based on the texts of Plato and Aristotle, who elaborated the theory of stasis in the most systematic way, the author demonstrates that admitting the possibility to overcome just the extreme external manifestations of stasis (but not to eradicate it altogether) inevitably impacts the evaluation of the importance of pluralism in the life of a political community, the interpretation of the actions of the defeated party and memory politics. Hence, the author analyzes how the perception of a civil conflict as a phenomenon inherent in the life of the polis and, in one form or another, an “inevitable evil”, can again be relevant in the context of the philosophical and political discussions of the 21st century.

Keywords: civil war, internal conflict, stasis, agonism, Plato, Aristotle, Giorgio Agamben

References

- Agamben G. (2021) *Stasis: Grazhdanskaja vojna kak politicheskaja paradigma* [Stasis: La guerra civile come paradigma politico]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Aristotle. (1937) *Afinskaja politija* [Athenian Politics]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. (In Russ.)
- Armitage D. (2017) *Civil War: A History in Ideas*. Yale: Yale University Press.
- Berent M. (1998) "Stasis, or the Greek Invention of Politics" // *History of Political Thought*, vol. 19, no. 3: 331–362.
- Cairns D., M.Canevaro, and K.Mantzouranis. (2022) "Recognition and Redistribution in Aristotle's Account of Stasis" // *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*, vol. 39, no. 1: 1–34.
- Cassius Dio. (2011) *Rimskaja istorija* [Roman History]. Books LXIV–LXXX. St Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.)
- Cassius Dio. (2014) *Rimskaja istorija* [Roman History]. Books LI–LXIII. St Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.)
- Collier P. and N.Sambanis, eds. (2005) *Understanding Civil War: Evidence and Analysis*. Vol. 1–2. Washington: The World Bank.
- Crevelde M. van. (2015) *Transformatsija vojny* [The Transformation of War]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)
- Finley M.I. (1981) *Economy and Society in Ancient Greece*. London: Chatto & Windus.
- Foucault M. (2015) *The Punitive Society: Lectures at the Collège de France 1972–1973*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Hunter J.D. (1991) *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: BasicBooks.
- Lange C.H. (2017) "Stasis and Bellum Civile: A Difference in Scale?" // *Critical Analysis of Law: An International & Interdisciplinary Law Review*, vol. 4, no. 2: 129–140.
- Loroux N. (2021) *Razdelennyj gorod: Zabvenie v pamjati Afin* [La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Marquard O. (1989) *Farewell to Matters of Principle: Philosophical Studies*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Plato. (1894) *Plato's Republic: The Greek Text*. Oxford: Clarendon Press.
- Plato. (1961) *Plato with an English Translation. Vol. IX: Laws*. Cambridge (MA): Harvard University Press; London: William Heinemann.
- Plato. (2014) *Zakony. Poslezakonie. Pis'ma* [Laws. Epinomis. Letters]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Plato. (2015) *Gosudarstvo* [Republic]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Rogan E. (2013) "Crise politique (stásis) et métamorphoses de la cité chez Aristote" / "Political Crisis (stásis) and Metamorphosis of the City in

Aristotle's Philosophy" // *Giornale di Storia Costituzionale / Journal of Constitutional History*, vol. 26, no. 2: 15–31.

Skultety S.C. (2019) *Conflict in Aristotle's Political Philosophy*. Albany: SUNY Press.

Tretiak A.R. (2023) "Stasis i političeskaja filosofija sovremennoj vojny" [Stasis and Political Philosophy of Contemporary War] // *Politeia*, no. 3 (110): 6–22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3\(110\)-Pages-001-198-6-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3(110)-Pages-001-198-6-22.pdf) (accessed on 11.03.2024). (In Russ.)

Vardoulakis D. (2018) *Stasis before the State: Nine Theses on Agonistic Democracy*. New York: Fordham University Press.

Wenman M. (2013) *Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalization*. New York: Cambridge University Press.